

УДК 327

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-139-146

## РОССИЯ И КИТАЙ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: СОТРУДНИЧЕСТВО ИЛИ СОПЕРНИЧЕСТВО

**Дмитриева М. О.**

*Дальневосточный Федеральный Университет*

*690091, г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8, Российская Федерация*

**Аннотация.** Целью исследования в данной статье является сравнительный анализ политики России и Китая в Центральной Азии (ЦА) для оценки перспективы развития их интеграционных проектов в регионе. ЦА постепенно становится ареной пересечения интересов крупных международных игроков и зоной развертывания интеграционных объединений и инициатив, таких, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и проект Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП). По мнению автора, особые отношения между Москвой и Пекином не исключают возможности возникновения противоречий между ними в этом регионе. Используя принципы системного подхода, в статье рассматриваются пути «освоения» макрорегиона Евразии с позиций РФ и КНР.

**Ключевые слова:** международная интеграция, Центральная Азия, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), проект Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), проект Большого евразийского партнёрства (БЕП).

## RUSSIA AND CHINA IN CENTRAL ASIA: COOPERATION OR COMPETITION

**M. Dmitrieva**

*Far Eastern Federal University*

*8 Sukhanova ul., Vladivostok 690091, Russian Federation*

**Abstract.** The purpose of this article is the comparative analysis of Russian and Chinese policies in Central Asia (CA) to assess the prospects of their integration projects development in the region. Central Asia is gradually becoming an arena for the intersection of major international players' interests and a zone for the deployment of integration associations and initiatives, such as the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt project. Special relations between Moscow and Beijing do not exclude the possibility of contradictions between them in the region. Using the principles of the systematic approach, the article discusses the ways of "development" of the macro-region of Eurasia from the standpoint of Russia and China.

**Key words:** international integration, Central Asia, Eurasian Economic Union (EAEU), Silk Road Economic Belt (SRB), Greater Eurasian Partnership project.

С момента обретения независимости страны Центральной Азии (ЦА) представляют интерес для великих держав, которые предлагают свои проекты устройства региона. Сначала они были связаны с вопросами обеспечения без-

опасности и транспортировкой энергоносителей, затем появились инициативы в сфере экономики. Центральная Азия постепенно становится ареной пересечения интересов крупных международных игроков и зоной развертывания интеграционных объединений и инициатив, таких, как Евразийский экономический союз (ЕАЭС) и проект Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП)<sup>1</sup>.

Россия и Китай являются главными внешними акторами в Центральной Азии. Другие страны тоже испытывают интерес к региону и вырабатывают свои стратегии, но присутствие РФ и КНР проявляется наиболее сильно. Причем Россия, которая сохраняет тесные гуманитарные связи и обладает серьезным военным потенциалом в регионе, стремится упрочить политическое влияние, оградив центральноазиатские республики от дрейфа на Запад; в то время как Китай делает акцент на экономическое взаимодействие, главной целью которого является развить отстающий Синьцзян.

Заполнить вакуум, образовавшийся после распада Советского Союза в регионе, России не удалось. Чего нельзя сказать о Китае, чья политика в Центральной Азии была логичной и последовательной.

Ввиду многочисленных проблем региона, связанных с вопросами безопасности и экономического развития, сотрудничество Москвы и Пекина на данном направлении приобрело новые импульсы и по причине меняющихся внешних условий: обе страны в насто-

ящее время вынуждены существовать в условиях жестких экономических санкций со стороны западных государств. Очевидно, что чтобы снизить риски обострения угроз и вызовов безопасности в ЦА, необходимо придать динамики экономическому развитию республикам региона.

Важно то, что из-за единой заинтересованности в противодействии угрозам безопасности у Москвы и Пекина сложились довольно согласующиеся геополитические интересы в Центральной Азии. Они заинтересованы в политической и экономической стабильности региона для успешного воплощения в жизнь своих проектов и обеспечения собственной безопасности.

При этом характерно и то, что с точки зрения экономики Центральная Азия никогда не была объектом масштабного российско-китайского соперничества. Во многом это связано с тем, что пики экономической активности России и Китая в регионе приходились на различные исторические периоды [6, с. 3].

Однако экономические интересы РФ и КНР в Центральной Азии нельзя назвать такими же единодушными и согласующимися, как геостратегические. Они носят, можно сказать, конкурентный характер. Россия пытается объединить бывшие советские республики на новой экономической основе. Сейчас для России главным проектом в Евразии является ЕАЭС, куда она хочет притянуть страны Центральной Азии. Делать это становится все сложнее, поскольку экономические отношения России со странами Центральной Азии сильно пострадали с введением санкций западных стран. Низкий курс рубля заставил трудовых

<sup>1</sup> Китайская инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП) объединяет проекты Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Морского шелкового пути (МШП) XXI в.

мигрантов искать новое место работы или вернуться на родину.

В свою очередь Китай после распада СССР стал активно искать возможность получить доступ к ресурсам региона, для чего принялся формировать трубопроводную и транспортную инфраструктуру, устанавливать торгово-экономическое сотрудничество, предлагать инвестиционные проекты. Результатом этих усилий явилось то, что Китай стал главным импортером в Киргизии, Таджикистане и Узбекистане и самым крупным кредитором для всего региона.

Изначально Пекин пытался реализовать свои интересы в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) – на это были нацелены, в частности, проекты создания зоны свободной торговли в данной организации. Но эти инициативы были отклонены Москвой, и тогда он интегрировал эти интересы в комплексный проект ЭПШП. На реализацию данного проекта Россия не может оказать значительного влияния и вынуждена подстраиваться, чтобы не остаться ни с чем.

Интеграционные проекты Москвы и Пекина различны по своей природе: в то время как ОПОП стремится соединить Китай с такими регионами, как Европа, Ближний Восток, Южная Азия через Центральную Азию, ЕАЭС – это политический проект, призванный создать пророссийский региональный блок для того, чтобы организовать преференциальный режим для внутреннего рынка этого объединения.

В 2015 г. был подписан документ о сопряжении Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза. Китай согласился официально иметь дело с ЕАЭС, тем

самым придав возглавляемой Россией организации международный статус и легитимность, которой так жаждет Москва. Но такие символические взаимодействия вряд ли заменят дальнейшие переговоры по ОПОП в рамках активизации двусторонних отношений Пекина со странами-членами ЕАЭС [9, с. 9].

Видимо с целью отстоять себя в роли одного из главных акторов на пространстве Евразии, Россия стала автором идеи создания Большого евразийского партнёрства (БЕП). Эта структура призвана объединить экономический потенциал стран АСЕАН и ШОС с ЕАЭС, которая должна стать центром, координирующим структуры партнёрства.

Однако маловероятно, что большое количество стран, которые Россия надеется включить в этот большой проект, будут адаптироваться к единым рамкам сотрудничества, предусмотренными идеей БЕП. Вряд ли усилия обойти Китай концептуально с помощью этого проекта увенчаются успехом [8, с. 447].

Автор считает важным отметить, что Китай предложил концепцию Сообщества единой судьбы. Очевидно, что претворять в жизнь идею формирования нового типа международных отношений он начнет со своего ближнего окружения, т.е. с территории Евразии. Россия предлагает идти по пути создания макрорегиона «Большая Евразия», основой которого станет сопряжение существующих интеграционных проектов.

Китай имеет намного большие финансовые возможности, в том числе для реализации своих интеграционных проектов. Уставной капитал Азиатско-

го банка инфраструктурных инвестиций по учредительным документам составил 100 млрд долл., а Евразийского банка развития (основного финансового института ЕАЭС) — только 7 млрд долл. [1]. По-видимому, в скором времени КНР станет единоличным лидером экономического сотрудничества в регионе, однако в военной сфере РФ сохранит свои позиции.

Для Китая ЦА – это средство для собственного развития и выхода на европейские рынки; прагматизм и стремление к выгоде являются главным двигателем последовательной политики Пекина в регионе; для России – средство внешнего позиционирования себя в качестве великой державы, предлагающую иные ценности, оспаривающую универсализм либерально-демократических ценностей Запада.

Таким образом, страны Центральной Азии находятся в положении, когда можно сделать выбор: присоединиться к международной организации, с четкой структурой, своими правилами и линией поведения, либо присоединиться к экономическому проекту, на первый взгляд в намного меньшей степени сковывающего свободу действий.

Можно подумать, что второй вариант представляется им более привлекательным, поскольку все страны региона поддержали китайскую инициативу и долго и тщательно продумывают целесообразность вступления в ЕАЭС. Республики Центральной Азии не намерены вслед за Россией оказаться в изоляции, в которую она попала несколько лет назад, и которая продолжает усугубляться.

Вступление Казахстана и Кыргызстана в ЕАЭС произошло на фоне вну-

тренней оппозиции и сомнений. Их опасения, разделяемые другими странами Центральной Азии, вытекают из потенциальных рисков вступления в ЕАЭС: потери экономических выгод в торговле со странами, не входящими в ЕАЭС, и потери суверенитета. В настоящее время Киргизия является ключевым реэкспортером китайских товаров, он импортирует товары из Китая по схеме низких таможенных пошлин и получает прибыль от продажи этих товаров в Казахстан и Россию, где таможенные пошлины на товары из Китая выше. Однако новый импортный тариф ЕАЭС на товары, происходящие за пределами ЕАЭС, выше действующего тарифного режима Киргизии и может привести к потере выгодного положения в этой торговле. Таджикистан, следующий вероятный кандидат на членство в ЕАЭС, испытывает аналогичные опасения. Большинство таджиков выступает за присоединение к Союзу в надежде на меньшие ограничения их возможности работать в России [10].

Однако чем дольше существует идея ОПОП, тем больше вопросов она вызывает. И страны, поначалу стремящиеся участвовать в проекте, стали задумываться о целесообразности такого шага. «Основная претензия, которую предъявляют к «Поясу и Пути» – он увеличивает риски дефолта в развивающихся странах с нестабильной экономикой» [5]. В Центральной Азии к таким можно отнести Киргизию и Таджикистан. Пример Шри-Ланки (стране пришлось передать Китаю в пользование на 99 лет порт Хамбантота и прилегающую к нему территорию, чтобы уменьшить свои обязательства) и Пакистана (который готов

обратиться к МВФ за кредитом, чтобы избежать дефолта) весьма наглядно демонстрирует возможные последствия. Как показывает практика, при невозможности страны погасить кредит Китай использует обмен долговых обязательств на нефинансовые активы или политические уступки. Таким образом на карту ставится суверенитет заемщика.

Правительства стран Центральной Азии не могут устоять перед перспективой получить крупного инвестора, предлагающего построить жизненно необходимые инфраструктурные проекты в своих странах. С другой стороны, все они явно испытывают опасения по поводу роли Китая в их экономике, политике и ее влияния на их общества. Таким образом, они понимают, что инициатива «Пояс и путь» может легко стать ловушкой, как это было для Шри-Ланки, которая участвует в проекте параллельного Морского Шелкового пути Китая [7].

Проблемой, мешающей реализации проекта ЭПШП в Центральной Азии, является негативное отношение к нему местного населения. В Казахстане социологические опросы показывают рост антикитайских настроений в период 2007–2012 гг. почти во всех частях страны. В апреле 2016 г. массовые протесты вызвало решение правительства сдать в долгосрочную аренду землю китайским фермерам. В том же году разгорелись антикитайские настроения в Киргизии. Тогда премьер-министр Т. Сариев ушел в отставку после обвинений в проведении тендера на строительство дороги, по результатам которого выиграла китайская компания. Страх перед «китайской угрозой» заставляет людей выражать

свое недовольство в протестной форме. К тому же соседей беспокоит ситуация в Синьцзяне, где нарушаются права этнических казахов и киргизов. «Без позитивного имиджа КНР «Пояс и Путь» так и останутся риторической формулой – непонятной, но настораживающей» [4].

Складывающаяся ситуация позволяет России немного снять напряжение, которое появилось после оглашения инициативы ОПОП, когда «непонятный Шелковый путь был воспринят как китайские попытки залезть в российскую сферу влияния в Центральной Азии, а потому – как угроза для России и для пестуемого Москвой проекта ЕАЭС» [2]. Сопряжение двух проектов тоже пока не принесло ожидаемых результатов, хотя были надежды на большие кредиты и инвестиции. На данный момент нельзя сказать, что китайская инициатива представляет большую угрозу российским интересам в Центральной Азии, поскольку сам проект еще находится в стадии разработки.

Вместе с этим России самой стоит опасаться попасть под чрезмерную зависимость от Китая. В ситуации, когда действуют жесткие санкции со стороны западных держав, едва ли не единственным источником инвестиций и кредитов остается КНР, который может начать вести себя жестче по отношению к РФ.

Что касается стран региона: они не действуют сообща, а выстраивают отношения с внешними акторами индивидуально (несмотря на попытки и призывы создать региональную интеграционную структуру). Скорее всего, Таджикистан и Киргизия будут вынуждены следовать за Китаем, по-

скольку только он в настоящее время способен предоставить кредиты и инвестиции, в которых эти страны так нуждаются. Запад стал уделять меньше внимания региону, а у России на такие проекты не хватает средств. Но сфера безопасности пока остается за ней: в этих странах находятся российские военные базы. Казахстан, хоть и является главным партнером РФ на евразийском пространстве, очень тесно сотрудничает с КНР и вряд ли откажется от этого в идейных целях. Узбекистан после смены власти стал очень активен в регионе. Для преобразований ему тоже нужны средства. Но Казахстан и Узбекистан намного увереннее чувствуют себя, чем Таджикистан и Киргизия. Они не рискуют оказаться в полной зависимости от Китая. Позицию Туркменистана сложно анализировать, но готовность сотрудничать в рамках ОПОП была озвучена. Таким образом, несмотря на риски, страны ЦА продолжают сотрудничать с Китаем и Россией. С момента обретения независимости маневрирование между внерегиональными державами было их политической стратегией. Видимо, эта линия поведения продолжится. Государства Центральной Азии не могут рассчитывать на поддержку ни со стороны России, ни со стороны Китая в случае вызовов их внутренней безопасности (например, исламского радикализма или смены режима), если только конкретный вопрос не имеет значительных последствий для Китая или России [11, с. 178].

\* \* \*

Таким образом, автор приходит к выводу, что, несмотря на некоторую конкуренцию, Китай и Россия создают порядок, в котором их интересы совпали. Их общие цели включают, прежде всего, поддержание регионального статус-кво, сотрудничество в жизненно важных областях, а также предотвращение вмешательства любых третьих сторон. Они мало заинтересованы в непосредственном препятствовании прогрессу друг друга в большинстве секторов.

Стратегическое партнерство России и Китая не может быть гарантом того, что они не станут (или уже не являются) конкурентами в ЦА. Пока такое положение выгодно обоим, но если кто-то начнет активно вытеснять партнера, стоит предположить, что другой будет отстаивать свои интересы. Россия будет стремиться сохранить свое влияние в регионе, поддерживая имидж великой державы, Китай будет наращивать свое присутствие для реализации экономических инициатив. Москва и Пекин продолжают параллельно реализовывать свои интеграционные проекты в регионе, выгода от сопряжения которых будет весьма незначительной. Данный вывод позволяет сделать только то, как по-разному страны-члены ЕАЭС воспринимают китайскую инициативу [3]. Возможно, Шанхайской организации сотрудничества удастся выполнить возложенную на нее функцию площадки по сближению ЕАЭС и ОПОП, в результате которого сложится новый порядок на территории Евразии.

*Статья поступила в редакцию 09.11.2018*



## ЛИТЕРАТУРА:

1. Воробьев А. Не один путь: интересы КНР и РФ в Центральной Азии [03.07.2017] // Эксперт Online [сайт]. URL: <http://expert.ru/2017/07/3/kitaj-i-tsentrlnaya-aziya/> (дата обращения: 29.09.2018).
2. Голубев А. Как Шелковый путь стал резиновым // Ведомости. 2018. 4 сент.
3. Зуенко И. Ю. Один «пояс», два пути: восприятие китайских интеграционных инициатив в России и Казахстане (2014–2017) // Россия и АТР. 2018. № 1. С.118–132.
4. Зуенко И. Перегибы Шелкового пути: как Китай решает уйгурский вопрос [18.04.2018] // Московский Центр Карнеги [сайт]. URL: <http://carnegie.ru/commentary/76013> (дата обращения: 14.05.2018).
5. Коростиков М. Колдобины Шелкового пути. Почему страны все чаще выходят из главного международного проекта Китая [29.08.2018] // Московский Центр Карнеги [сайт]. URL: <http://carnegie.ru/commentary/77125> (дата обращения: 05.09.2018).
6. Парамонов В. В., Строков А. В., Столповский О. А. Россия и Китай в Центральной Азии: политика, экономика, безопасность. Бишкек: Обществ. фонд Александра Князева, 2008. 200 с.
7. Blank S. Sri Lanka's Lesson for Eurasia [27.09.2018] // The Central Asia-Caucasus Analyst [сайт]. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13536-sri-lankas-lesson-for-eurasia.html> (дата обращения: 08.10.2018).
8. Christoffersen G. Sino-Russian Accommodation and Adaptation in Eurasian Regional Order Formation // Asian Perspective. 2018. Vol. 42. № 3. P. 439–462.
9. Cooley A. The Emerging Political Economy of OBOR: The Challenges of Promoting Connectivity in Central Asia and Beyond (A report of the CSIS Simon Chair in Political economy). Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 2016. 18 p.
10. Li S. The New Silk Road: Assessing Prospects for "Win-Win" Cooperation in Central Asia // Cornell International Affairs Review. 2016. Vol. 9. № 1. P. 31–38.
11. Putin's Grand Strategy: The Eurasian Union and Its Discontents / Editors S. Frederick Starr, Svante E. Cornell. Washington, DC: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2014. 207 p.

## REFERENCES

1. Vorobëv A. [Not one way: the interests of China and Russia in Central Asia. 03.07.2017]. In: *Expert Online* [Expert Online]. Available at: <http://expert.ru/2017/07/3/kitaj-i-tsentrlnaya-aziya/> (accessed: 29.12.2018).
2. Golubev A. [How the Silk Road became a rubber one]. In: *Vedomosti*, 2018, 4 September.
3. Zuenko I. Yu. [One “zone”, two roads: the perception of Chinese integration initiatives in Russia and Kazakhstan (2014–2017)]. In: *Rossiia i ATR* [Russia and the Asia and Pacific Region], 2018, no. 1, pp. 118–132.
4. Zuenko I. Yu. [The excesses of the Silk Road: how China solves the Uyghur question. 18.04.2018]. In: *Moskovskii Tsentri Karnegi* [Carnegie Moscow Center]. Available at: <http://carnegie.ru/commentary/76013> (accessed: 14.05.2018).
5. Korostikov M. [Potholes on the Silk Road. Why countries increasingly come out of the main international project of China. 29.08.2018]. In: *Moskovskii Tsentri Karnegi* [Carnegie Moscow Center]. Available at: <http://carnegie.ru/commentary/77125> (accessed: 29.12.2018).
6. Paramonov V. V., Stokov A. V., Stolpovskii O. A. *Rossiia i Kitai v Tsentral'noi Azii: politika, ekonomika, bezopasnost'* [Russia and China in Central Asia: politics, economy, security]. Bishkek, Foundation of Alexander Kniazev, 2008. 200 p.
7. Blank S. Sri Lanka's Lesson for Eurasia [27.09.2018]. In: *The Central Asia-Caucasus Analyst*.

- Available at: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13536-sri-lankas-lesson-for-eurasia.html> (accessed: 09.12.2018).
8. Christoffersen G. Sino-Russian Accommodation and Adaptation in Eurasian Regional Order Formation. In: *Asian Perspective*, 2018, vol. 42, no. 3, pp. 439–462.
  9. Cooley A. The Emerging Political Economy of OBOR: The Challenges of Promoting Connectivity in Central Asia and Beyond (A report of the CSIS Simon Chair in Political economy). Washington, DC, Center for Strategic and International Studies, 2016. 18 p.
  10. Li S. The New Silk Road: Assessing Prospects for “Win-Win” Cooperation in Central Asia. In: *Cornell International Affairs Review*, 2016, vol. 9, no. 1, pp. 31–38
  11. S. Frederick Starr, Svante E. Cornell., eds. *Putin’s Grand Strategy: The Eurasian Union and Its Discontents*. Washington, DC, Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2014. 207 p.
- 

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

*Дмитриева Марина Олеговна* – кандидат политических наук, главный специалист службы проректора по науке Дальневосточного федерального университета;  
e-mail: marinad5@mail.ru

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

*Marina O. Dmitrieva* – Ph.D in Political Sciences, Vice-President for Science Service Manager, Far Eastern Federal University;  
e-mail: marinad5@mail.ru

---

#### ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дмитриева М. О. Россия и Китай в Центральной Азии: сотрудничество или соперничество // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 139–146.  
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-139-146

#### FOR CITATION

Dmitrieva M. O. Russia and China in Central Asia: cooperation or competition. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2019, no. 1, pp. 139–146.  
DOI: 10.18384/2310-676X-2019-1-139-146